

М.М. Сафонов

С.М. Соловьев, Е.Р. Дашкова и дворцовый переворот 28 июня 1762 года

S. M. Solovyov, E. R. Dashkova and the Palace coup of June 28, 1762

Аннотация: В статье рассматривается, как С.М. Соловьев анализировал подлинную роль Е.Р. Дашковой в дворцовом перевороте 1762 г. Показано, что необыкновенное источниковедческое чутье ученого позволило С.М. Соловьеву высказать догадки, которые впоследствии подтвердились документами, еще неизвестными московскому историку.

Ключевые слова: С.М. Соловьев, «История России с древнейших времен», Е.Р. Дашкова, Екатерина II, братья Орловы, заговор, дворцовый переворот, мемуары Е.Р. Дашковой, письмо Г.К. Кейзерлингу.

Annotation: The article examines how S.M. Solovyov analyzed the true role of E.R. Dashkova in the Palace coup of 1762. Shown that the scientist's unusual source-research flair allowed S.M. Solovyov to make guesses, which were later confirmed by documents still unknown to the Moscow historian.

Keywords: S.M. Solovyov, "History of Russia since ancient times", E.R. Dashkova, Catherine II, The Orlov brothers, Conspiracy, Palace coup, Memoirs of E.R. Dashkova, Letter to G.K. Keyserling.

С.М. Соловьев был одним из первых, кто обстоятельно описал и основательно проанализировал дворцовый переворот 28 июня 1762 г. В 1875 г. историк опубликовал юбилейный 25 том своего грандиозного труда «История России с древнейших времен». 90 лет спустя труд С.М. Соловьева был переиздан в СССР. С момента первой публикации работы московского историка прошло немного менее века, но она не потеряла своей научной значимости. Более того, можно сказать, восполнила белые пятна советской историографии, обходившей стороной такие сюжеты, как дворцовые революции в России XVIII в. Ленинской цитаты о том, что дворцовые перевороты «были до смешного легки»¹, советским историкам казалось вполне достаточно, для того чтобы считать тему исчерпанной. Хотя со времени советской републикации «Истории России с древнейших времен»² минуло еще чуть более полувека, исследование Соловьева о «дворцовой революции», в

¹ Ленин В.И. Доклад на II Всероссийском съезде профессиональных союзов 20 января 1919 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 37. М., 1969. С. 443.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 25—26. М., 1965. (Далее: Соловьев). С. 84—107.

результате которой Петр III был низвергнут, а на престол вступила его жена Екатерина II, продолжает по-прежнему быть актуальным, несмотря на то, что после перестройки в российской историографии появилось немало работ, исследовательски трактующих этот сюжет³. Особенно следует выделить его соображения о действительной роли Е.Р. Дашковой в том событии.

Автор комментариев к этой советской публикации Е.И. Колычева справедливо отмечала, что «излюбленными темами» Соловьева были «перипетии внутриполитической, главным образом дворцовой, борьбы», а также «тонкие хитросплетения дипломатических отношений»⁴. По ее мнению, «изложение обстоятельств переворота 28 июня 1762 г. принадлежит к числу лучших страниц 25-ого тома». Именно «здесь историк во всеоружии источников, он их внимательно сравнивает и часто доводит до совершенства анализ политической и психологической подоплеки определенного освещения событий тем или иным автором»⁵. Блестящим образцом источниковедческого анализа назвала Е.И. Колычева трактовку Соловьевым источников, описывающих переворот, приведший к власти Екатерину II. «Важным достоинством работы Соловьева является критическое в целом отношение к источникам, — отмечала комментатор. — Это достоинство тем значительнее, что историк, создавая свой монументальный труд, не имел ни времени, ни возможности заниматься специальным источниковедческим анализом каждого привлекаемого документа»⁶. Тем не менее, будучи ограничен в этой возможности масштабами своего грандиозного труда, С.М. Соловьев сумел продемонстрировать яркий образец своего источниковедческого искусства, важным компонентом которого являлось исследовательское чутье, выработанное многолетним опытом.

Соловьев пренебрег сочинениями иностранцев о перевороте 28 июня 1762 г. Ученый справедливо полагал, что в массе своей они не вызывают серьезного доверия по причине слабой осведомленности «иностранных описывателей»,⁷ как он выразился, о том, что происходило в действительности, а также ввиду их явной тенден-

³ *Курукин И.В.* «Эпоха дворцовых бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725—1762. Сер. «Неизвестная российская история: Исследования и документы. Т. 6. Рязань, 2003. С. 370—408.

⁴ *Колычева Е.И.* Комментарии к двадцать пятому и двадцать шестому томам «Истории России с древнейших времен» (Далее: Колычева Е.И.)// *Соловьев. С.* 606.

⁵ Там же. С. 602.

⁶ Там же. С. 600.

⁷ Там же. С. 88

циозности. «Сочинения иностранцев о России и русских событиях, — писал историк, — обыкновенно преисполнены ошибками, преувеличениями и смешениями всякого рода»⁸.

Прежде всего, это касалось сочинения Ж. Кастера «*Histoire de Impératrice Catherine II*»⁹. Автор никогда не был в России и не мог знать того, о чем писал. Правда, Кастера в своем опусе широко пользовался книгой К.-К. Рюльера «История и анекдоты о революции России 1762 г.»¹⁰. Автор находился в Петербурге в момент переворота и служил секретарем во французском посольстве. Но в его сочинении больше было анекдотов, сочиненных автором, нежели собственно истории. Недаром Д. Дидро, лично К.-К. Рюльера знавший, назвал его сочинение хорошо написанным романом или, как он выразился, «романтическим сплетением, лишенным действительного знания фактов и лиц»¹¹.

В основу своего исследования переворота 1762 г. С.М. Соловьев положил два основных источника российского происхождения, автором которых являлись непосредственные участники дворцовой революции. Причем наиглавнейшие и наиболее осведомленные: сама Екатерина II и Е.Р. Дашкова. Ученая княгиня, глава двух академий, получившая европейскую известность именно благодаря своему участию в перевороте 1762 г., оставила обширные мемуары «*Mon Histoire*», в которых подробнейшим образом описала переворот и свою собственную роль в нем. Правда, они были написаны в первом десятилетии XIX в., то есть почти полвека спустя после переворота. Императрица же Екатерина описала, как она взошла на престол, чуть более месяца спустя после своего воцарения. В письме к С.-А. Понятовскому 2 августа 1762 г. императрица подробно рассказала, как возник и созрел заговор против Петра III, обстоятельно изложила перипетии памятного дня 28 июня и последующих за ним событий.

Исследовательская проблема, которая сразу же вставала перед источниковедом, который взял бы в руки эти два источника, состояла в том, что оба автора, описывая одни и те же события, не только

---

⁸ Соловьев. С. 89.

⁹ *Castéra J.* Histoire de Impératrice Catherine II. Т. I. Paris, 1797. О публикациях книги Кастера с различными названиями см. подробно: *Сомов В.А.* Французская «Россика» эпохи Просвещения и русский читатель // Французская книга в России в XVIII в. Л., 1986. С. 213—214.

¹⁰ *Rulhier C.-C.* Histoire ou Anecdotes sur la révolution de Russie en 1762. Paris, 1797.

¹¹ *Diderot D.* Oeuvres complètes. Paris, 1876. Т. XVII. P. 488; Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Записки княгини Е.Р. Дашковой. 1859. Лондон. Репринтное воспроизведение. М., 1990. 1859. Лондон. (Далее: Дашкова. 1990). С. 378.

не дополняли и не подкрепляли друг друга упущенными деталями и забытыми моментами, но, напротив, резко противоречили один другому, представляя прямо противоположные трактовки. Согласно княгине, именно она организовала заговор против Петра III и была главным действующим лицом переворота, его пружиной. Екатерина же, как действующее лицо заговора, в период его подготовки вообще отсутствует. В ходе же самого переворота ей отводится пассивная роль. За нее действуют другие. Прежде всего сама Дашкова¹².

Сама же императрица представила события совершенно в ином ключе. Именно она сумела скрытно от других участников переворота положить начало заговору, с величайшей осторожностью организовать его, найти верных и преданных скрытых сторонников, с их помощью свергнуть мужа и самой взойти на престол¹³. Правда, Екатерина не говорит об этом открыто. Она выдвигает на первый план братьев Орловых, которые действовали из патриотических соображений и привязанности к ней. Именно в их руках находился «узел секрета». Но при этом императрица бросает одну примечательную фразу, из которой явствует, за всем этим стояла она сама: «Все делалось, признаюсь вам, под моим ближайшим руководством»¹⁴. Описывая переворот, Екатерина ничего не говорит об участии в нем Дашковой. Более того, ее августейшая подруга без обиняков утверждала, что княгиня хотела приписать себе выдающуюся роль в перевороте, но ее претензии действительности не соответствовали¹⁵.

Историк обстоятельно проанализировал мемуары Дашковой. Он подробно пересказал читателю, что мемуаристка написала о своих отношениях с великой княгиней Екатериной. Исследователь подробнейшим образом воспроизвел все то, что мемуаристка рассказала о том, как она создала заговор в пользу Екатерины. Но это не был простой пересказ мемуаров княгини. Каждый фрагмент ученый сопроводил коротким, но очень выразительным комментарием, буквально в одно-два слова, и такой пересказ превратился по сути дела в источниковедческий анализ. Он не ставил под сомнение достоверность фактов, сообщенных мемуаристкой. Как раз напротив, историк подчеркивал, что Дашкова рассказала правду. Но если эти факты правдивы, то из них

¹² Соловьев пользовался опубликованными А.И. Герценом «Записками» Дашковой, перепечатанными в «Bibliothèque russe et polonaise». (Соловьев. С. 297).

¹³ Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1989. С. 560—571. Соловьев воспользовался подлинным письмом, хранившемся в Государственном архиве. (Соловьев. С. 301)

¹⁴ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 570.

¹⁵ Там же. С. 569—570.

никак нельзя сделать тех заключений, на которых настаивает княгиня. Они, по мнению историка, как раз свидетельствуют об обратном.

На основании изложенного Соловьев пришел к любопытному заключению: «Из рассказа Дашковой ясно видно, какого рода был этот заговор, главою которого она себя считала. Она знала о сильном всеобщем неудовольствии, сама близко видела причины этого неудовольствия, сама раздражалась и потому хорошо понимала раздражение других; говорила некоторым молодым офицерам о необходимости произвести перемены в пользу императрицы, способной, по общему убеждению, дать ручательство в лучшем будущем; молодые офицеры совершенно соглашались, называли и некоторых других молодых офицеров, которые также были согласны с ними, говорили, что надобно непременно исполнить замысел, как скоро император уедет к заграничной армии; Дашкова говорила с Паниным, и тот соглашался, что другого средства нет спасти Россию, но как сделать и какие будут последствия? Дашкова постоянно употребляет слово *заговор*, но из ее рассказа прямо выходит, что заговора не было, а был один разговор»¹⁶.

Заключительный вывод историка был таков. «Мы не имеем никакого основания отвергать свидетельства Дашковой о собственной деятельности, ибо из них выходит одно, что она хотела перемены в пользу Екатерины и, при удобном случае толковала о своем желании с некоторыми людьми. Но этим все ограничивалось. Ее свидетельства очень важны, ибо ей очень хочется преувеличить свою роль, выставить себя главою заговора, но из ее слов выходит, что ее роль была очень не велика»¹⁷.

Подготовку заговора Соловьев изложил, пересказав письмо к Понятовскому, то есть воспроизвел интерпретацию императрицы, согласно которой все было сделано главным образом руками братьев Орловых. Они, по словам Екатерины, вместе со своими единомышленниками подготовили в гвардии 30—40 офицеров и около 10 тысяч ее сторонников. Эти сторонники были разделены на четыре группы.

---

¹⁶ Соловьев. С. 88.

¹⁷ Там же. Соловьев был уверен, что иностранные авторы преувеличили роль Дашковой, равно как и значение связанного с ней пьемонтца Ж.-Д.-Ж. Одара, не знавшего русского языка. Историк предположил, что Екатерина использовала его для сношения с другими лицами. И оказался прав. Через него она пыталась сделать заем у Франции, но потерпела фиаско. Об Одаре см. подробно: Сафонов М.М. Ж.-Д. -Ж. Одар, Е.Р. Дашкова и дворцовый переворот 28 июня 1762 г. // Россия и Италия: Общие ценности. Сборник научных статей XVII Царскосельской конференции. СПб., 2011. С. 427—440.

Во главе каждой стоял один из верховодов заговора. Именно они, братья Орловы подготовили реальный заговор и совершили переворот. Н.П. Панин и К.Г. Разумовский были осведомлены об их замыслах. Что же касается Дашковой, то историк отметил: Екатерина не упоминает княгиню, описывая эти события, и прямо процитировал, что императрица говорит в этом письме об участии своей подруги в перевороте. «Княгиня Дашкова, младшая сестра Елисаветы Воронцовой, хочет присвоить себе честь этой революции, но, не говоря уже о ее родстве, девятнадцатилетний возраст не позволял никому иметь к ней доверия. Она говорила, что все доходило до меня чрез нее: но в продолжение шести месяцев я носилась со всеми главами предприятия, прежде чем она узнала первое слово. Правда, что она очень умна, но ум ее испорчен чудовищным тщеславием и сварливым характером; главы предприятия ее ненавидят, но она была в дружбе с пустыми людьми, которые и рассказывали ей, что знали, т.е. мелочи»¹⁸.

Историк заключил, что это свидетельство справедливо, потому что подтверждается реальным содержанием «Записок» Дашковой. Но Соловьев счел необходимым подчеркнуть, что при этом она «показала необыкновенное усердие и самопожертвование, за что Екатерина сочла своею обязанностью ее отличить и наградить». Вместе с тем, исследователь отметил одну очень важную для определения достоверности свидетельств, исходящих от Екатерины II, деталь: императрица умолчала о том, что отличила и наградила Дашкову после переворота¹⁹. Историк очень тонко почувствовал, что Екатерина своими умолчаниями себя демаскировала. И это очень важный факт, требующий объяснения. «Екатерина умолчала об этом, — писал ученый, — позабыв о противоречии, какое произойдет между ее словами и делами. Знаменитая императрица иногда позволяла себе такие умолчания под влиянием раздражения и предубеждения против неприятных ей людей. Минута, в которую она высказала приведенное свидетельство о Дашковой, не принадлежала к числу покойных минут в жизни Екатерины: она была очень раздражена претензиями Дашковой и столкновениями ее в этих претензиях с людьми, принять сторону которых Екатерина имела сильные побуждения»²⁰.

Хотя Соловьев, как отмечала Е.И. Колычева, иногда старался замалчивать отрицательные стороны поведения Екатерины²¹, исто-

---

¹⁸ Соловьев. С. 90; Записки императрицы Екатерины Второй. С. 569—570.

¹⁹ Соловьев. С. 92.

²⁰ Там же. С. 90—91.

²¹ Колычева. Е.И. С. 601.

рик оказался совершенно прав, когда отметил, что далеко не всем заявлениям Екатерины о Дашковой следует безоговорочно доверять. Основную причину появления филиппик против своей близкой подруги, которая рисковала жизнью ради нее, маститый историк считал возможным объяснить сиюминутным «раздражением», вызванным претензиями Дашковой, ее столкновениями с людьми, с которыми воцарившаяся императрица не желала портить отношения из-за княгини. Отчасти можно с этим согласиться. Надо только не упускать из виду: претензии княгини были вызваны тем, что она была сторонницей регентства, а ее подруга стала самодержавной императрицей²². Но основная причина заключалась в другом. Сегодня мы можем вполне определенно назвать ее, потому что теперь нам известны многие факты, о которых историческая наука не ведала, когда С.М. Соловьев создавал главный труд своей жизни.

Сразу же после переворота Екатерина считала необходимым выдвинуть Дашкову на первый план, публично называя ее главной виновницей своего воцарения. Представляя Екатерину Романовну вернувшемуся из ссылки великому канцлеру А.П. Бестужеву, императрица произнесла: «Это княгиня Дашкова! Можно было ли представить, что короной я буду обязана юной дочери Романа Воронцова»²³. Следует особо подчеркнуть, что императрица говорила об этом не только канцлеру, но и иностранным дипломатам²⁴. Члены дипломатического корпуса поспешили донести своим дворам о выдающейся роли Дашковой в полном соответствии с высказываниями самой императрицы²⁵.

Это и понятно: Дашкова, русская княгиня, дочь сенатора, племянница канцлера, к тому же родная сестра фаворитки Петра III. Если такие люди добивались свержения императора, то что говорить о прочих. Масло в огонь подлил Ж.-Д.-Ж Одар. Поскольку из

²² Замечания княгини Дашковой на книгу Рюльера о восшествии на престол Екатерины Второй // Архив князя Воронцова. Т. VII. М., 1875. С. 654—655.

²³ Дашкова Е.Р. Записки княгини Дашковой: Письма сестер Вильмот из России. М., 1991. (Далее: Дашкова. 1991). С. 78.

²⁴ Castéra J.-H. Vie de Catherine II. Paris, 1797. Т. 1. Р. 298 // ОР. БАН. Q 494. Р. 298.

²⁵ Россия и Испания. Документы и материалы. 1667—1917. Т. 1. 1667—1799. М., 1991. С. 185,187; Сб. Русского исторического общества. (Далее: РИО) Т. XVIII. СПб., 1876. С. 416, 439, 461; Бильбасов В.А. История Екатерины Второй. Т. II. Берлин. 1900. С. 637; Тургенев А.И. Российский двор в XVIII веке. СПб., 2005. С. 221—222; La cour de la Russie il y a cent ans. 1725 1783. Berlin, 1858. Р. 209; Брикнер А.Г. Первые годы царствования Екатерины II (по депешам голландского резидента Мейнергаузена) // Исторический вестник. 1884. Т. XVIII. Октябрь—декабрь. С. 11; РИО. Т. CXL. СПб., 1912. С. 9, 13.

вождей заговора он был связан только с Дашковой, то, желая подо- роже продать себя французской дипломатии, как будущего «агента влияния», он усиленно распространял мнение, что именно она была «главной опорой заговора»²⁶.

Но «идиллия» двух Екатерин продолжалась недолго. Ее нару- шила Екатерина Романовна. Задолго до Екатерины II она попыта- лась вступить в переписку с патриархом Просвещения Вольтером. И.И. Шувалов написал фернейскому отшельнику письмо. В нем он рассказал о том, как Дашкова свергла Петра III, просил вла- стителя дум воспеть подвиг молодой женщины и написать ей не- сколько строк²⁷. Когда об этом стало известно Екатерине, она раз- вернулась на 180 градусов и немедленно стала прилагать максимум усилий, чтобы развеять, по ее словам, «ложное мнение о том, что восемнадцатилетняя женщина сменила правительство в России». Она просила С.-А. Понятовского убедить Вольтера, что его ввели в заблуждение²⁸. С такой же просьбой императрица обращалась к французскому послу в России Л.-О. Бретейлю²⁹. Наконец, через знакомого фернейского философа авантюриста Ф.-П. Пикте она сумела убедить писателя опубликовать в авторитетнейшем евро- пейском издании «Энциклопедический журнал» письмо о перево- роте, низводящее роль Дашковой до уровня второстепенной участ- ницы³⁰.

В этом контексте понятно, чем была вызвана филиппика Ека- терины против Дашковой в письме к Понятовскому. Отдадим должное автору многотомного труда по истории России. Не имея возможности досконально изучить все источники, освещавшие бесчисленное множество сюжетов, отраженных в «Истории России с древнейших времен», Соловьев во многом должен был полагаться на собственную интуицию. И она его не подвела. Можно лишь удивляться тому, как она выводила его на верный путь.

²⁶ Сафонов М.М. Ж.-Д.-Ж. Одар, Е.Р. Дашкова и дворцовый переворот 28 июня 1762 г. С. 436—437.

²⁷ *Voltaire. Correspondence and Related Documents. Definitive Edition* by Theodore Besteman. V. XXV. Jane 1762 — 17 janvery 1763. Letters D. 10482 — D. 10972. Oxfordshire. 1973. P. 115.

²⁸ Дашкова Е.Р. Записки императрицы Екатерины Второй. С. 570.

²⁹ Делеша Бретэйля 17 сентября 1762 г. // Бильбасов В.А. Исторические монограф- ии. Т. III. СПб., 1901. С. 197; Тургенев А.И. Российский двор в XVIII в. СПб., 2005. С. 238; *Castéra J.-H. Vie de Catherine II*. Т. 1. P. 298.

³⁰ *Journal Encyclopedique*. 1762. Le 1 de Novembre. P. 122—131. См. подроб- но: Сафонов М.М. Екатерина Романовна Дашкова и Вольтер // Россия и западноевропейское Просвещение. Памяти Н.А. Копанева. СПб., 2016. С. 526.

Тот же исследовательский феномен прослеживается, когда мы с позиций сегодняшнего дня, в котором историческая наука располагает массой фактов, в XIX в. ей еще неизвестных, пытаемся понять, насколько верно Соловьев определил подлинную роль Дашковой в низвержении Петра. Созная, что императрица не всегда говорит правду, а в отдельные моменты ею движет раздражение против Дашковой, историк, тем не менее, изложил события, ставшие «спусковым крючком» переворота, в полном соответствии с тем, как их представила Екатерина.

«27 июня волнение в гвардии усилилось, речи, что императрица в опасности, раздавались громче, солдаты кричали, чтоб их вели в Ораниенбаум против голштинцев. К капитану Пассеку, главному в одном из четырех отделов, входит солдат и объявляет, что императрица, наверное, погибла. Пассек отвечает, что все это вздор, но солдат не успокаивается и прямо от него идет к другому офицеру с теми же речами. Этот офицер не принадлежал к числу соумышленников; услышав страшные слова и узнав от солдата, что он был у Пассека и тот отпустил его, офицер арестует солдата и идет к майору Воейкову донести ему обо всем. Воейков арестует Пассека и посылает донесение императору в Ораниенбаум. Весть об аресте Пассека привела в движение весь Преображенский полк, взволновала соумышленников и в других полках. Решено было отправить Алексея Орлова в Петергоф к императрице и привезти ее в Петербург, а Григорий Орлов с другим братом должны были приготовить все к ее приему. Гетман Разумовский, князь Волконский и Панин знали об этом решении, замечает Екатерина»³¹.

Императрица написала: «Они решили». Но среди решивших Дашковой нет. Соловьев же употребил безличную форму: «Решено было»³². И это отнюдь не случайно. Далее историк подчеркнул то обстоятельство, что никто другой, но именно Екатерина замечает: Панин, Волконский и Разумовский «знали об этом». То есть, это екатерининская версия событий. Но, кто именно принял решение, императрица не уточнила.

Соловьев допустил, что свидетельство императрицы «вполне справедливо», ибо оно как будто подтверждается рассказом самой Дашковой о ее разговорах с недовольными правлением Петра, которые мемуаристка безосновательно называла «заговором». Но

³¹ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 563—564; *Соловьев*. С. 90.

³² *Соловьев*. С. 90.

историка несколько смутило одно обстоятельство: императрица ничего не говорит о том, что княгиня «во всем этом деле показала необыкновенное усердие и самопожертвование». И за это Екатерина «сочла своей обязанностью ее отличить и наградить»³³.

Затем исследователь воспроизвел то, как сама Дашкова описала свое участие в перевороте накануне и в ночь на 28 июня. «У нее сидел Панин в то время, когда приехал к ней Григорий Орлов с известием об аресте Пассека. Дашкова встревожилась, но Панин с обычным своим хладнокровием начал рассуждать, что Пассек посажен за какой-нибудь беспорядок по службе. Дашкова просила Орлова поехать и осведомиться точнее о причине ареста, и если он арестован за государственное преступление, то чтоб возвратился к ней с подробным известием, а брата своего послал бы с тем же к Панину. После отъезда Орлова Дашкова выпроводила и Панина под предлогом, что хочет успокоиться, а сама, накинув мужской плащ, отправилась пешком к дому Рославлева. Отошедши немного от своего дома, она заметила всадника, быстро мчащегося по направлению к ее дому; как будто кто-то шепнул ей, что это должен быть Алексей Орлов, ибо она не знала никого из братьев, кроме Григорья. Она громко выкрикнула эту фамилию, всадник остановился, подъехал к ней и, когда Дашкова назвала себя, сказал: «Я ехал вас уведомить, что Пассек арестован за государственное преступление, четверо часовых стоят у дверей, по двое у окон. Брат мой отправился сообщить об этом Панину, а я сию минуту был за этим же у Рославлева». Тогда Дашкова стала ему говорить, чтобы он велел Рославлеву и Ласунскому ехать немедленно в свой Измайловский полк для принятия императрицы, когда она въедет в Петербург, а сам или кто-нибудь из его братьев мчался бы в Петергоф и упросил Екатерину от имени ее, Дашковой, сесть тотчас же в карету и ехать в Петербург, где Измайловский полк уже готов принять ее и провозгласить государынею. Дашкова прибавляет, что карета, в которой Екатерина должна была приехать из Петергофа, была выслана с четверкой лошадей по ее же, Дашковой, письму камер-лакеем императрицы Шкуриным. Дашкова распорядилась отправлением кареты, предвидя затруднения, какие могла встретить Екатерина насчет экипажа в Петергофе от людей, вовсе не расположенных помогать ей, и Панин смеялся над этою предосторожностью как лишнею.

---

³³ Там же.

Переговорив с Алексеем Орловым на дороге, Дашкова возвратилась домой и в страшном волнении легла в постель, чтоб не возбуждать подозрения в прислуге. Вдруг сильный удар в дверь с улицы заставил ее затрепетать. Она вскочила с постели и велела впустить, кто бы ни стучался. Вошел неизвестный молодой человек и объявил, что он Федор Орлов. «Я пришел, — сказал он, — спросить, не слишком ли рано ехать брату к императрице, полезно ли ее беспокоить преждевременным призывом в Петербург?» При этих словах Дашкова вышла из себя. «Вы потеряли самое дорогое время, — закричала она, — что тут думать о беспокойстве императрицы! Лучше привезти ее в обмороке в Петербург, чем подвергать заточению в монастырь или возведению на эшафот вместе со всеми нами». Молодой Орлов ушел, уверяя Дашкову, что брат его немедленно поедет в Петергоф»³⁴.

Историк сопоставил эти два рассказа. Он допустил мысль, что Дашкова ничего не выдумала, и предложил свою «догадку», позволяющую примирить эти два противоречивых свидетельства. Вожди заговора не любили Дашкову и не доверяли ей. Они внутренне смеялись над ее распоряжениями, потому что давно решили между собой и Екатериной, как им действовать. Григорий Орлов пришел к Дашковой потому, что искал Панина. Встреча с Алексеем Орловым на улице была случайной. Ф.Г. Орлов пришел ночью к княгине только затем, чтобы узнать, не затеяла ли она чего-либо в пользу своих родственников. Если же она осталась верна императрице, то «не замыслила ли, незваная, непрошенная, вмешаться в дело?»³⁵.

Допуская, что его «догадка» имеет полное право на существование, историк, однако, ее не принял. Он привел железный аргумент, против которого бессилен возразить непредвзятый аналитик. Догадки догадками, но есть «свидетельства неоспоримые: в списке наград за участие в событии 28 июня назначено: «Гетману, князю Волконскому, Панину по 5000 пенсиону» и непосредственно за ними: «Дашковой 12000». Кроме того, от 5 августа сохранилась записка Екатерины: «Выдать княгине Катерине Дашковой за ее ко мне и к отечеству отменные заслуги 24000 рублей»³⁶.

То есть, несмотря на убийственную критику мемуаров Дашковой, убедительнейшее доказательство того, что так, как описано в ее «Записках», в действительности не было, Соловьев утверждал: отрицанию Екатерины верить тоже нельзя. Дашкова в самом

---

³⁴ Там же. С. 91—92.

³⁵ Там же. С. 92.

³⁶ Там же.

деле сыграла в перевороте какую-то очень важную роль. Но какую именно, историк не знал. Никто из исследователей, писавших после него, не удосужился выяснить это.

Никто не дал себе труда ответить, за что же Дашкова получила столь щедрое вознаграждение? В чем заключались ее «отменные», по словам императрицы, «заслуги». А между тем существует источник, который дает недвусмысленный ответ на этот вопрос. Он исходит от той же Дашковой. Давно опубликован. Но остался совершенно неизвестным ни биографам главы двух академий, ни самой императрицы³⁷. К сожалению, не знал о нем и Соловьев.

В 1887 г., когда Соловьев уже закончил работу над 25-м томом, «Русский архив» опубликовал фрагмент написанного по-французски письма Дашковой Г.К. Кейзерлингу о перевороте³⁸. Оно оказалось самым ранним свидетельством его участия. Письмо написано либо в конце июня, либо в начале июля 1762 г.

Отрывок начинается с упоминания о том, что около 11 часов вечера офицер (имя его не названо) принес известие об аресте капитана Пассека. «Он был одним из главных наших, — замечает Е.Р. Дашкова, — и только что ушел от меня»³⁹. Последняя фраза указывает: арест Пассека как заговорщика сразу выводил следователей на Екатерину Романовну. Далее княгиня описывает замешательство среди участников заговора. Панин из деликатности постарался скрыть от Дашковой всю силу этой опасности. Он сделал вид, что нисколько не взволнован случившимся и предложил отложить до завтрашнего утра решение относительно того, какие меры следует принять на основании более точных сведений. Дашкова думала иначе. «Бывают мгновения, — патетически писала она Кейзерлингу, — когда превосходишь самого себя! Поэтому не удивляй-

³⁷ Если не считать упоминания об этом источнике потомком княгини американским историком А.И. Воронцовым—Дашковым. Он высказал предположение, что этот документ представлял собой тот текст, который Дашкова передала Э. Морган с правом опубликовать после ее смерти. Морган сообщила об этом Дашковой в письме 1816 г. По словам Морган, рукопись Дашковой могла быть названа “Notes quotidiennes sur la révolution”, то есть «Ежедневные заметки о революции». К сожалению, потомок Дашковой не оценил этот документ по достоинству. Он полагал, что этот документ мало, чем отличается от соответствующего фрагмента мемуаров княгини, и не заметил очень существенных отличий принципиального характера (*Princesse Dashkova. Mon Histoire : Mémoires d'une femme de lettres russe à l'Époque de lumières*. Paris, 1999. P. 260).

³⁸ Из письма княгини Е.Р. Дашковой к графу Герману Кейзерлингу о восшествии на престол Екатерины Великой // Русский архив. 1887. № 10. (Далее: РА). С. 185—191.

³⁹ РА. С. 185.

тесь ..., тому, что я поняла опасность, не испугавшись ее. Я нашла, что обстоятельства столь щекотливы, что не стоит терять время на то, чтобы переубедить Панина — оно слишком дорого. Промедление ... создаст больше препятствий». Княгиня сделала вид, что должна отдохнуть, пока Орловы соберут более точные сведения.

Когда все ушли, Дашкова отправилась пешком к Синему мосту на Мойке в надежде встретить там кого-нибудь из своих единомышленников. Вскоре там появился Алексей Орлов. По его словам, он прибыл сюда, чтобы обсудить с ней, что они должны делать. Княгиня посоветовала ему отправиться к Н.И. Рославлеву побудить его идти к гетману К.Г. Разумовскому, возглавлявшему Измайловский полк, и рассказать ему о возникших критических обстоятельствах. Затем Орлову предстояло совершить поездку в Петергоф и доставить императрицу Екатерину в Измайловский полк. В скобках Дашкова поместила важнейшее разъяснение: почему именно было необходимо сделать это. «Car nous avons pris des mesures qu'au cas que le moindre de nous fût pris, les soldats fussent en état d'être rassemblés en diligence». То есть: «Потому что между нами было решено: в том случае, если даже самый незначительный из нас будет схвачен, солдаты имели бы возможность собраться тотчас же»⁴⁰. Схвачена могла быть и императрица Екатерина.

Эта реплика объясняет суть дела. Императрице угрожала опасность. Княгиня решила: чтобы Екатерину спасти, следовало во что бы то ни стало доставить ее в Измайловский полк и отдать под охрану измайловцев. А.Г. Орлов с ней согласился. Речь не шла о том, чтобы ее провозгласить регентшей или возвести на престол как государыню. Пока что дело заключалось лишь в том, чтобы уберечь Екатерину от грозившей ей опасности с помощью измайловских штыков. Никаких других решений в этом совещании на Синем мосту принято не было. Сделать ее недосыгаемой для Петра III, а дальше видно будет.

После того, как совет Дашковой был принят Алексеем Орловым, она вернулась домой. Чтобы не вызвать подозрений прислуги, она сразу отправилась в постель. Не успела княгиня лечь, как явился младший из Орловых Федор. Он пришел спросить, считает ли она совершенно необходимым предупредить Екатерину об опасности, и не потревожат ли ее совершенно напрасно. Дашкова убедила Федора, и он отправился к брату Алексею сообщить, что-

---

⁴⁰ РА. С. 186.

бы тот ехал в Петергоф. Далее княгиня написала следующие слова: «Tout fut en consequence de cet arrangement». — «Все прочее было сделано вследствие этого распоряжения»⁴¹. Свое письмо княгиня завершила такой красноречивой фразой: «Простите меня, если мое писание и мои действия не соответствовали вашему ожиданию, приняв во внимание, что *в пределах способностей моих, я не пренебрегала ничем. Если я не сумела больше, то по человечески не имела возможности*»⁴². (Курсив мой. — М.С.)

Из незатейливого изложения Дашковой ясно, что она была среди тех, про которых Екатерина писала: «Они решили», а Соловьев прозорливо заменил на: «Решено было». Очевидно, Дашкова свою роль в перевороте видела в том, что она первая подала мысль: для спасения Екатерины необходимо привезти ее из Петергофа в Измайловский полк, а затем настояла, чтобы это решение было приведено в действие. Все, что произошло после, явилось лишь следствием ее инициативы. То есть она дала первый толчок тем событиям, которые в итоге произошли, хотя и не так, как ей бы хотелось⁴³.

Вот они, «отменные заслуги», на которых так удачно заострил внимание Соловьев. Именно за них Дашкова получила денежное вознаграждение. К деньгам можно добавить еще и орден Св. Екатерины и производство в статс-дамы во время коронации⁴⁴. Но и не только за них.

К сожалению, публикация «Русского архива» не содержит данных об участии Дашковой в подготовке заговора. Но есть еще один документ, исходящий непосредственно от Екатерины. Он позволяет утверждать, что в период, предшествующий перевороту, Дашкова не только «разговаривала». Этот документ стал известен лишь в начале XX в., и Соловьев о нем тоже не знал. Речь идет о сохранившемся в Государственном архиве наброске императрицы о событиях 1762 г. В этом фрагменте она все также старалась принизить участие Дашковой. По словам Екатерины, к княгине обращались недовольные, потому что знали о ее привязанности к Екатерине. Мол, княгиня была всего лишь передаточным звеном. Но при всем том императрица признала, что Орловы по ее рекомендации

---

⁴¹ Там же.

⁴² РА. С. 191.

⁴³ См. подробно: Сафонов М.М. Письмо Е.Р. Дашковой К.Г. Кейзерлингу о дворцовом перевороте 28 июня 1762 г. // Е.Р. Дашкова и русская культура: От эпохи Просвещения к современности. М., 2014. С. 28—37.

⁴⁴ Дашкова. 1991. С. 75—76, 83.

познакомились с Дашковой в интересах конспирации, а она сама, Екатерина, дала княгине записку. Показавший ее собеседнику тем самым подтверждал, что поступает согласно воле императрицы. То есть агитирует в пользу жены Петра⁴⁵. Выходит, Дашкова, ведя разговоры с «соумышленниками», действовала не только по собственной инициативе, не только на свой страх и риск, а по поручению главы конспирации. Это и понятно, недаром же накануне переворота подруга императрицы оказалась в числе руководителей, принявших ее предложение начать переворот.

Соловьев был совершенно прав, когда тонко почувствовал, что в тексте мемуаров Дашковой, относящихся к подготовке переворота, совершенно отсутствует Екатерина. Но теперь мы знаем, это объясняется вовсе не тем, что императрица ничего не знала об этом. Анализируя текст «Записок» княгини, нетрудно заметить, что мемуаристка не упускает случая как бы невзначай дать понять читателю, а тем более тому, кто будет искать в ее воспоминаниях то, о чем в них непосредственно не говорится: переворот готовился без всякого участия Екатерины II. Здесь и разговор Дашковой с великой княгиней в Зимнем дворце накануне смерти Елизаветы Петровны. Разговор о том, что у Екатерины нет никакого плана действий и она ничего не предпринимает для своего спасения. Тут и реплика Дашковой в разговоре с Паниным том, почему она все делает, не ставя в известность Екатерину: для того чтобы не подвергать ее опасности⁴⁶. То есть Екатерина как бы абсолютно ни при чем. Но, заметим, дает ей записку, уполномочивающую действовать ее именем. Характерно, что Дашкова всю жизнь лелеяла любую мелочь, каждую деталь, напомиравшую ей о перевороте, но ни словом не обмолвилась в своих мемуарах об этой записке. Невозможно, чтобы она могла забыть такую «мелочь». Просто эта «деталь» разрушала напрочь идею о полной непричастности Екатерины к заговору. Характерно и стремление мемуаристки убедить читателя ее «Записок» в том, что она не была знакома с Алексеем Орловым. Якобы случайно по наитию узнала его на улице⁴⁷. Хотя из цитируемого письма Дашковой ясно: и он и она были одними из «наших», которые встречались на Синем мосту и вынашива-

---

⁴⁵ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 519; см. подробно: Сафонов М.М. Княгиня Е.Р. Дашкова и великая княгиня Екатерина Алексеевна 28 июня 1762 года // 275-летие княгини Екатерины Романовны Дашковой. Сборник научных статей по итогам конференции. СПб., 2018. С. 34, 54—55.

⁴⁶ Дашкова. 1991. С. 50, 63.

⁴⁷ Там же. С. 67.

ли планы действия. Желание «опустить» А.Г. Орлова до второстепенного участника, исполнявшего ее приказы, также объясняется стремлением мемуаристки защитить репутацию Екатерины. Если любовник императрицы возглавил заговор в ее пользу, то при чем же здесь патриотизм? Именно она, княгиня Дашкова, не имевшая никаких корыстных побуждений, организовала заговор и явилась главной пружиной переворота, а вовсе не братья Орловы, ставшие фаворитами после воцарения Екатерины. В маргиналиях на книге Кастера Дашкова прямо заявила: «Не императрица, но я его создала, я была во главе заговора»⁴⁸. Эта фраза послужила «руководством к действию» при создании «Записок» Дашковой. В них эта идея получила полное воплощение. Ведь ее мемуары задумывались как опровержение «хитросплетений лжи и гнусных измышлений, возведенных на Екатерину Великую некоторыми французскими писателями», «громоздивших одну клевету на другую»⁴⁹. Очевидно, представив себя главой заговора и главным действующим лицом переворота, Дашкова стремилась во что бы то ни стало охранить репутацию Екатерины, даже в ущерб своей собственной, хотя она не могла не понимать, что читатели обвинят ее в непомерном честолюбии. Ставя себя во главе заговора, Дашкова тем самым снимала обвинение с Екатерины в том, что она путем интриги захватила престол. Дашкова брала на себя все⁵⁰. Хотя в действительности, как явствует из ее откровений Кейзерлингу, она лишь настояла на том, чтобы в критический момент заговорщики решились действовать.

Сегодня не может не вызывать удивление источниковедческая интуиция Соловьева. Анализируя сообщения Дашковой о ее действиях 28 июня 1762 г., изложенных в «Записках», Соловьев в виде предположения допустил то, что сама княгиня намного раньше, чем принялась за мемуары, рассказала в письме к Кейзерлингу.

Авторитет автора «Истории России с древнейших времен» был настолько велик, что его взгляд почти полтора столетия был доминирующим в работах российских, советских и зарубежных исследователей переворота. Но этот взгляд был воспринят несколько од-

⁴⁸ *Castéra J. Vie de Catherine II. T. I. Paris, 1797 // ОР Библиотеки РАН. Q 496. P. 207; Корнилович-Зубашева Е.О. Княгиня Е.Р. Дашкова за чтением Кастера // Сб. статей по русской истории, посвященный С.Ф. Платонову. СПб., 1922. С. 366.*

⁴⁹ *Дашкова. 1991. С. 35, 59.*

⁵⁰ *Сафонов М.М. Княгиня Е.Р. Дашкова и великая княгиня Екатерина Алексеевна на 28 июня 1762 года // 275-летие княгини Екатерины Романовны Дашковой. Сборник научных статей по итогам конференции. СПб., 2018. С. 55.*

носторонне. Беспощадная критика Соловьевым «Записок» княгини привела к тому, что историки при исследовании «coup d'Etat» 1762 г. предпочитали скорее вовсе обходиться без Дашковой, нежели пытаться воссоздать ее подлинную роль в этих событиях. Такова книга В.А. Бильбасова, до сих пор остающаяся наиболее обстоятельным исследованием переворота⁵¹. Таково мнение и современных исследователей, отечественных и зарубежных. Если Е.В. Анисимов, Б.М. Каменский, Н.И. Павленко и другие, работающие в том же жанре⁵², не считали даже нужным упоминать княгиню, то иностранные ученые, такие, как, например И. де Мадарьяга, предпринявшая попытку обобщить зарубежную историографию, в лучшем случае говорили о том, что Дашкова верхом в преображенском мундире сопровождала Екатерину во время петергофского похода⁵³. Это значительно легче, чем пытаться выяснить, в чем же именно состояла ее важная роль, которую почти пророчески предугадал автор многотомной истории России, основываясь не только на глубоком анализе противоречивых источников, но и на своей потрясающей интуиции, необыкновенной прозорливости и паразитическом источниковедческом чутье.

Литература

- Бильбасов, В.А.* Исторические монографии. — Т. III. — Санкт-Петербург : Тип. И.Н. Скороходова, 1901. — 608 с.
- Бильбасов, В.А.* История Екатерины Второй. — Т. II. — Берлин : Издание Фридриха Геттгейма, 1900. — 830 с.
- Брикнер, А.Г.* Первые годы царствования Екатерины II (по депешам голландского резидента Мейнергаузена) // Исторический вестник. 1884. — Т. XVIII. Октябрь—декабрь. — С. 5—24.
- Записки императрицы Екатерины Второй. — Москва : Орбита, 1989. — 748 с.
- Записки княгини Дашковой: Письма сестер Вильмот из России. — Москва : Изд. МГУ, 1991. — 504 с.
- Замечания княгини Дашковой на книгу Рюльера о восшествии на престол Екатерины Второй // Архив князя Воронцова. Т. VII. — Москва : Тип. Мамонтова, 1875. — С. 653—655.
- Корнилович-Зубашева, Е.О.* Княгиня Е.Р. Дашкова за чтением Кастера // Сборник статей по русской истории, посвященный С.Ф. Платонову. — Санкт-Петербург : «Огни», 1922. — С. 355—370.
- Курукин, И.В.* «Эпоха дворцовых бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725—1762. Сер. «Неизвестная российская история: Исследования и документы. — Т. 6. — Рязань : П.А. Трибунский, 2003. — 570 с.

⁵¹ *Бильбасов В.А.* История Екатерины Второй. Т. 2. С. 1—94. «Выводить из пожалования кн. Дашковой 24.000 рублей о ее значении в перевороте не приходится», — заметил В.А. Бильбасов в примечании (Там же. С. 93).

⁵² См. подробно: *Сафонов М.М.* «Молодая Екатерина» в отечественной историографии // Петербургский исторический журнал. 2016. № 1. С. 113—128.

⁵³ *Мадарьяга. И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 49—75.

- Ленин, В.И.* Доклад на II Всероссийском съезде профессиональных союзов 20 января 1919 г. // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Издание пятое. — Т. 37. — Москва : Издательство политической литературы, 1969. — С. 435—453.
- Мадарьяса, И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. — Москва : Новое литературное обозрение, 2002. — 976 с.
- Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Записки княгини Е.Р. Дашковой. 1859. — Лондон. Репринтное воспроизведение. — Москва : Наука, 1990. — 511 с.
- Россия и Испания. Документы и материалы. 1667—1917. — Т. 1. — 1667—1799. — Москва : Международные отношения, 1991. — 467 с.
- Из письма княгини Е.Р. Дашковой к графу Герману Кейзерлингу о восшествии на престол Екатерины Великой // Русский архив. 1887. — № 10. — С. 185—191.
- Сафонов, М.М.* Княгиня Е.Р. Дашкова и великая княгиня Екатерина Алексеевна 28 июня 1762 года // 275-летие княгини Екатерины Романовны Дашковой. Сборник научных статей по итогам конференции. — Санкт-Петербург : СПб ГБУ «Музей “Нарвская застава”», 2018. — С. 34—57.
- Сафонов, М.М.* «Молодая Екатерина» в отечественной историографии // Петербургский исторический журнал. 2016. — № 1. — С. 113—128.
- Сафонов, М.М.* Письмо Е.Р. Дашковой К.Г. Кейзерлингу о дворцовом перевороте 28 июня 1762 г. // Е.Р. Дашкова и русская культура: От эпохи Просвещения к современности. — Москва : МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2014. — С. 28—37.
- Сафонов, М.М.* Ж.-Д. —Ж. Одар, Е.Р. Дашкова и дворцовый переворот 28 июня 1762 г. // Россия и Италия: Общие ценности. Сборник научных статей XVII Царскосельской конференции. — Санкт-Петербург : Серебряный век, 2011. — С. 427—440.
- Сафонов, М.М.* Екатерина Романовна Дашкова и Вольтер // Россия и западноевропейское Просвещение. Памяти Н.А. Копанева. — Санкт-Петербург : Р 2016. — С. 112—128.
- Сборник Русского исторического общества. — Т. XVIII. — Санкт-Петербург : Тип. Императорской Академии наук, 1876. — 518 с.
- Сборник Русского исторического общества. Т. CXL. — Санкт-Петербург : Тип. В.Ф. Киршбаума, 1912. — 772 с.
- Соловьев, С.М.* История России с древнейших времен. — Т. 25—26. — Москва : «Мысль», 1965. — 647 с.
- Сомов, В.А.* Французская «Россика» эпохи Просвещения и русский читатель // Французская книга в России в XVIII в. — Ленинград : Наука, 1986. — С. 173—245.
- Тургенев, А.И.* Российский двор в XVIII веке. — Санкт-Петербург : Искусство, 2005. — 525 с.
- Castéra, J.* Histoire de Impératrice Catherine II. Т. I. — Paris : Chez F. Buisson, 1797. — 466 p.
- Castéra, J.* Vie de Catherine II. — Т. 1. — Paris : Chez F. Buisson, 1797. — 427 p.
- Diderot, D.* Oeuvres complètes. — Т. XVII. — Paris: Garnier Freres, libraires —éditeurs, 1876. — P. 487—500.
- Journal Encyclopedique. 1762. Le 1 de Novembre. — P. 122—131.
- La cour de la Russie il y a cent ans. 1725—1783. — Berlin : Ferdinand Schneider, 1858. — 422 p.
- Princesse Dashkova.* Mon Histoire :Mémoires d’une femme de lettres russe à l’Epoque de lumières. — Paris : Montréal : L’Harmattan, 1999. — 333 p.
- Rulhier, C.-C.* Histoire ou Anecdotes sur la révolution de Russie en 1762. — Paris : Chez Desenne, 1797. — 175 p.
- Voltaire.* Correspondence and Related Documents. Definitive Edition by Theodore Besteman. V. XXV. Jane 1762 — 17 janvery 1763. Letters D. 10482 — D. 10972. — Oxfordshire, 1973. — P. 114—117.